

Об этой книге и ее авторе

Александр Борисович Мордвинов родился 9 марта 1950 года в городе Омске. Школьником он серьезно занимался музыкой, хорошо играл на пианино. В старших классах школы учился в знаменитой ФМШ в новосибирском Академгородке. Но затем лингвистика перевесила, хотя математические способности Александра позволили ему впоследствии стать прекрасным лингвистом. Александр поступил на филологический факультет Омского педагогического института. Еще студентом четвертого курса Мордвинов пишет большую интересную работу — анализ романа в стихах «Спекторский» Пастернака. После окончания института Александр Борисович работал по распределению учителем в сельской школе, а затем поступил в аспирантуру МГУ. Его научным руководителем была В. А. Белошапкова. К моменту окончания аспирантуры А. Б. Мордвинов написал несколько статей и увесистый труд по синтаксису текста. По аспирантским семинарам и кулуарным разговорам было件件но, что никому неведомый аспирант из Омского пединститута разрабатывает абсолютно новый подход в синтаксических штудиях. Друзья-аспиранты и Вера Арсеньевна настаивали, чтобы Александр сократил свою работу до размеров, пригодных для защиты кандидатской диссертации. Но сам Александр Борисович, объясняя, что триста с лишним страниц машинописи — это только часть теоретической главы работы, от сокращений решительно отказался. В результате всю жизнь работал не кандидатом наук. Впрочем, ему самому это никак не мешало оставаться замечательным филологом, настоящим ученым, обладавшим абсолютной творческой свободой и вкусом к обстоятельному и точному анализу в разных областях филологии и лингвистики.

Окончив аспирантуру, А. Б. Мордвинов возвращается в родной город, где какое-то время работает в пединституте, а затем переходит на кафедру общего языкознания Омского университета. В качестве преподавателя читает различные лингвистические курсы, в частности, историю русского литературного языка. Сообщество ом-

ских филологов, преподавателей и студентов, видит в Александре Борисовиче человека необычайной интеллектуальной одаренности, творческой свободы и смелости, удивительного обаяния. Мордвинов обладал огромной эрудицией, его культурные горизонты, диапазон знаний поистине безграничны. В романтический для гуманитарных наук период конца 80-х — 90-х годов Мордвинов возвращается к юношескому увлечению герменевтикой, ведет кружок «Искусство толкования поэтического текста». На заседания этого кружка с большим удовольствием ходили не только студенты и преподаватели, но и самые разные люди — и по возрасту, и по специальности. Это были увлекательнейшие разборы «темных» текстов Блока, Цветаевой, Пастернака, других не самых простых поэтов. Александр Борисович не отказывался толковать и тексты, интересные для студентов, например песни Битлз и Гребенщикова. К этому периоду относится работа, ставшая хитом среди филологов города и ходившая по рукам в машинописных списках, — анализ цикла стихотворений Блока «На поле Куликовом». То, что было написано в этой работе, поражало не просто тем, что это было, мягко говоря, далеко от канонического разбора текста в учебниках и статьях различных авторов. Мордвинов написал работу, в которой одновременно с анализом поэтического текста подробно объяснял герменевтические приемы, к которым прибегал и которые сам обосновывал. В этом тексте проявилась главная черта работ А. Б. Мордвинова: несмотря на кажущуюся парадоксальность результатов анализа, часто опрокидывавших всё, что до сих пор было написано про тот или иной текст, эти результаты выводились с железной, математической доказательностью из самого текста. Как позже заметит Александр Борисович на своем спецкурсе по творчеству Мандельштама: «Я не мандельштамовед, я просто лингвист». Отсюда и неприятие приблизительности и бессодержательности в литературоведческом анализе. В 1989 году в издательстве Красноярского университета в сборнике «На стыке всех наук» публикуется работа, посвященная анализу блоковского цикла и включающая наглядное описание герменевтических методов¹.

Увлечение Мордвинова поэзией Осипа Мандельштама было огромным и плодотворным. В 90-х за несколько лет А. Б. Мордвинов

---

¹ Мордвинов А. Б. Дешифровка поэтического текста: Цикл А. Блока «На поле Куликовом». На стыке всех наук. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1989.

опубликовал три статьи в омских сборниках научных трудов¹. Дважды был прочитан спецкурс для студентов филфака ОмГУ, пособие к которому Александр Борисович не окончил. Остались неопубликованными работы «Сюжет кролика и удава в версии Мандельштама: “Канцона” и родственные тексты», «“Узенькие саночки” в смысловом мире Осипа Мандельштама», наброски к анализу стихотворений «Нет, не спрятаться мне от великой муры...» и «В тот вечер не гудел стрельчатый лес органа...». Все эти работы, как опубликованные, так и неопубликованные, а также расшифровка аудиозаписей лекций спецкурсов и составляют эту книгу. Она должна была быть написанной и изданной много лет назад, но ей не суждено было состояться при жизни автора. Помешала болезнь. Александр Борисович Мордвинов умер 11 апреля 1999 года.

Идея опубликовать работы А. Б. Мордвинова, посвященные анализу произведений О. Э. Мандельштама, возникла у омских филологов — коллег, учеников и родных Александра Борисовича. Было очевидно, что Мордвинов, как никто другой, понял со всей ясностью Мандельштама в его отнюдь непрозрачных по смыслу текстах. Ясность понимания достигалась титаническим трудом толкователя. Следует помнить, что это были еще доинтернетные времена. Это сейчас мы в два клика можем найти этимологию слова «вокзал», значение слова «шпигун» или полные имя и отчество Г. П. Струве. А Мордвинову приходилось долго рыться в книгах, разыскивая такую информацию. «Нееру найти — кучу книг перелопатить», как заметил он в спецкурсе по поводу толкования метафоры «влажный чернозем Нееры» в стихотворении «Нашедший подкову». При этом «слово единственный раз появляется во всем объеме сочинений Мандельштама».

А когда слово повторяется, Александр Борисович внимательно рассматривает все эти повторения и при этом помнит все упоминания этого слова: в стихах, прозе, заметках Мандельштама. Этот прием позволяет толкователю во многих случаях вывести значение

---

¹ Смысловый мир О. Мандельштама в словаре и синтаксисе одного стихотворения // Человек. Культура. Слово: сб. науч. тр. Омск: Ом. гос. ун-т, 1991; Стихотворение как «выходка»: эпиграмма О. Мандельштама «У нашей святой молодежи...» // Писатель. Общество. Власть. Омск: Ом. гос. ун-т, 1995; Сюжет черного солнца в творчестве О. Мандельштама. Человек. Культура. Слово: Мифопоэтика древняя и современная. Омск, 1994.

слова и понять его место, «вес», в системе образов Мандельштама. «Удивительным образом, — пишет Мордвинов, — Мандельштам каждую детальку своего смыслового мира рано или поздно все-таки воплощал в каком-нибудь отдельном тексте, по которому можно понять, о чем идет речь». Собираание рассеянных по всему корпусу текстов Мандельштама деталей дает в результате реконструкцию смыслового мира поэта. Мордвинов вычленяет в этом мире то, что он называет сквозными мандельштамовскими сюжетами: сюжет Первичного океана, Дерева, Яблока, Шороха, Скобяного товара, сюжет Чтения и читательства и многие другие.

Вообще главный герменевтический прием А. Б. Мордвинова — это толкование текста из самого текста. Это может показаться очевидным, но сколько на свете литературоведческих работ, написанных в духе «что хотел сказать автор» — с той или иной степенью фантастичности допущений. Мордвинов предлагает доверять автору и понимать его текст, читая то, что написано. Скелет, основа герменевтических приемов — реконструкция места действия, действующих лиц, коммуникативного сюжета стихотворения. Для этой реконструкции, добиваясь ясного понимания, Александр Борисович привлекает головокружительное количество текстов самого Мандельштама, самых разных поэтов — Сапфо, Пиндар, Пушкин, Баратынский, Лермонтов, Тютчев, Ахматова... По разным поводам привлекает древнегреческие слова, латинские, слова иврита, немецкие, английские. Не отрываясь от основной задачи, учит студентов внимательно читать словари, искать в словаре Даля устаревшие или простонародные слова. И не боится учиться у студентов, спрашивать своих слушателей о чем-то, чего не знает сам, а слушатели могут знать. Такая по видимости простая вещь, как внимание к синтаксической структуре предложения (и связанным с ней знакам препинания), частенько ускользает от толкователей текстов Мандельштама, но талант лингвиста и в этом случае помогает Александру Борисовичу не только понять текст, но в некоторых случаях имеющихся разночтений в публикациях текста Мандельштама добраться до истины.

Таким образом, мы полагаем, что эта книга станет таким вкладом в понимание творчества Осипа Эмильевича Мандельштама, значение которого трудно переоценить. Но и герменевтические приемы и методы Александра Борисовича Мордвинова обязательно со-

служат добрую службу филологам, желающим толковать поэтический текст.

Составители выражают признательность людям, помогавшим собрать эту книгу. Основная часть лекций спецкурса, прочитанного в ОмГУ зимой и весной 1997 года, записывалась и хранилась Еленой Родионовой. Запись лекции с разбором стихотворения «Там, где купальни, бумагопрядильни...» предоставлена Валентиной Кузнецовой. Борис Исаевич Мордохович тщательно оцифровал все имеющиеся магнитофонные записи на старых кассетах. Омские филологи Ирина Петровна Подгорная, Ольга Анатольевна Кутмина, Татьяна Ивановна Подкорытова, Александра Владиленовна Петрова помогли в расшифровке этих записей.

Е. Родионова

Е. Ронина

**І. СПЕЦКУРС
ПО ТВОРЧЕСТВУ О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА,
ПРОЧИТАННЫЙ НА ФИЛФАКЕ ОМГУ
В ФЕВРАЛЕ — МАЕ 1997 ГОДА**

Вводная лекция

Лет пять назад я уже читал спецкурс о Мандельштаме, и некоторые из здесь присутствующих его тогда слышали и тоже записывали. Эти записи есть, и мне хотелось бы соблюсти интересы тех, кто их слышал. Кроме того, несколько толкований Мандельштама я опубликовал — кому интересно, может просто их прочитать. Таких публикаций у меня три. Две вышли в нашем университетском¹ сборнике «Слово и культура». В первом выпуске есть публикация, посвященная отдельному стихотворению, — «Смысловый мир О. Мандельштама в словаре и синтаксисе одного стихотворения»². Этот выпуск уже разошелся, но в библиотеках он есть. Другая вышла во втором, новом сборнике — по-моему, в позапрошлом году, тоже «Слово и культура». Там большая публикация — «Сюжет черного солнца в творчестве О. Мандельштама»³, в ней расшифровано много стихотворений. Вышел также сборник «Писатель, общество, власть», в нем расшифровано еще одно стихотворение, а вслед за ним — некоторый шлейф текстов. В центре — эпиграмма «У нашей святой молодежи...», и к ней приплюсовано еще несколько текстов⁴.

Поскольку некоторые из присутствующих, насколько мне известно, это читали, а некоторые могут прочесть, соответственно я это буду как бы проглатывать. Уже поэтому не ждите от меня никаких

---

¹ Имеется в виду Омский государственный университет (*Прим. ред.*).

² Смысловый мир О. Мандельштама в словаре и синтаксисе одного стихотворения // Человек. Культура. Слово: сб. науч. тр. Омск: Ом. ун-т, 1991.

³ Сюжет черного солнца в творчестве О. Мандельштама // Человек. Культура. Слово: Мифопоэтика древняя и современная: сб. науч. тр. / под ред. К. П. Степановой. Омск: Ом. ун-т, 1994. Вып. 2. С. 84—131.

⁴ Стихотворение как «выходка»: эпиграмма О. Мандельштама «У нашей святой молодежи...» // Писатель. Общество. Власть. Омск: Ом. гос. ун-т, 1995.

повествовательных разговоров о Мандельштаме. Их не будет. Я буду заниматься в основном толкованиями отдельных текстов по собственному выбору, не считаясь с тем, лучше этот текст, хуже, более популярный, менее популярный. А в конце, может быть, сделаю некое короткое обобщение и расскажу что-нибудь последовательное о Мандельштаме.

Но это в конце. А сейчас я скажу несколько слов о том, что в Мандельштаме оказывается принципиально важным для нынешних филологов и почему вдруг так много пишут о Мандельштаме.

Тут дело простое. Есть такая особая традиция в русской культуре — культура сложного поэтического текста. Она не возникла сама по себе, а была специально сформирована в первые десятилетия нашего века. Даже, наверное, можно назвать дату рождения — она начала формироваться около 1904 года и к 1917 году вполне сформировалась.

В рамках этой культуры сложного поэтического текста писали несколько авторов. Первым среди них, наверное, нужно назвать Хлебникова. Цветаева писала — не с самых ранних стихов, но уже и с достаточно ранних, а начиная с 1921 года она писала уже исключительно в этой традиции. Пастернак прямо с этого начал, причем по его ранним стихам видно, что он специально учился этой традиции — по стихам 1913—1914 годов. То есть через десять лет после ее рождения он понимал ее как уже сложившуюся. Ахматова долго держалась от нее в стороне, но начиная с 1940 года перешла на нее целиком или почти целиком. Она даже специально об этом писала: «я зеркальным письмом пишу». Или, скажем, «Поэма без героя» оказалась совершенно загадочной.

Потом эта традиция, представленная в ранний период таким мощным блоком имен, стала просто одной из традиций. Скажем, Бродский иногда прибегал к этой традиции, иногда не прибегал. Или Арсений Тарковский — иногда прибегал, иногда не прибегал. Окуджава иногда прибегает к этой традиции, иногда не прибегает. Еще Иннокентия Анненского нужно приплюсовать. Я могу назвать много имен. Но теперь это просто одна из традиций — сложного поэтического языка. А первоначальный комплекс я назвал, сложный поэтический язык — это все начало века, а самым мощным толчком послужило, пожалуй, творчество Блока.

И получается так, что авторы различаются по степени ожиданий, которые с ними связаны. Вот Хлебников — он моден, его изучают,

но на самом деле не очень-то и изучают, потому что нет особых надежд понять, что человек говорит, — по крайней мере, в той части его творчества, где он это сложное слово использует в наибольшей степени. У кого-то надежда понять Хлебникова, вероятно, есть, но массовых надежд нет, и поэтому его не очень и изучают. С другой стороны, скажем, Пастернак. Из того, что он говорил, можно понять все, это язык как бы не до конца сложный, меньше интригует. Мандельштам в каком-то смысле оказывается центральной фигурой, потому что, с одной стороны, он в полной мере воспользовался возможностями сложного языка и стоит у его истоков. И его язык не понарошку сложный, не как у Пастернака. А с другой стороны, есть надежда понять, что он говорит, причем массовая. Я не могу сказать, чем эта надежда питается, но она есть.

Кроме того, у разных поэтов — разные судьбы, и есть некая надежда услышать из неких уст нечто важное. Относительно Мандельштама она существует — что он сказал нечто существенно важное и что это можно понять. Многие поэты говорили сложно, но не так много поэтов, от которых ждешь услышать что-нибудь важное. Поскольку такая массовая надежда по отношению к Мандельштаму существует, вокруг него сложилось целое ученое, учено-литераторское движение. Ни о ком столько не публикуется, сколько о Мандельштаме, и все, в общем-то, с одной целью — растолковать и расшифровать, что он писал. Существует «Мандельштамовское общество», оно постоянно издает сборники с разными материалами о Мандельштаме, ну и так далее.

И в итоге получается вот что: когда начинаешь читать то, что пишут о Мандельштаме в попытках его расшифровать, становится неинтересно. Я не мандельштамовед, я просто лингвист. И мне неинтересно читать, что пишут о нем мандельштамоведы. Не хочется быть моськой, лающей сразу на стадо слонов, но просто сами поинтересуйтесь, посмотрите своими глазами. Могу порекомендовать: в 1991 году был столетний юбилей Мандельштама, первый номер «Литературного обозрения» (сейчас это «Новое литературное обозрение») весь посвящен Мандельштаму. Почитайте, посмотрите. Или тогда же, в 91 году, вышел сборник «Слово и судьба» — коллективный сборник, где опубликовались самые важные мандельштамоведы. Почитайте. И если вам интересно, то не ходите ко мне на спецкурс, потому что все, что я буду говорить, [означает], что все это просто незачем читать.

Или, скажем, только что появилась публикация в пятом номере «Известий Академии наук», там сразу две статьи о Мандельштаме. Одна из авторов так, в частности, толкует: есть стихотворение «Концерт на вокзале», начинается «Нельзя дышать, и твердь кишит червями». Она цитирует это «и твердь кишит червями» и ставит в скобочках: «То есть на небе много звезд». Я не знаю, это смешно или не смешно, но когда я такое читаю, то думаю: я не отрицаю, что какой-то поэт может выразить мысль, что на небе много звезд, словами «твердь кишит червями». Но, по-моему, это не поэт, а просто идиот. Совершенно невозможно относиться к этому всерьез. Я не могу. Мне непонятно, зачем человек исследует Мандельштама, если она думает, что он — такой поэт, который считает, что на небе много звезд — это «твердь кишит червями». Причем дальше, в следующей строчке, сказано: «И ни одна звезда не говорит». Но это малоизвестный автор, но вот, скажем, человек, глубоко уважаемый всеми филологами, — Михаил Гаспаров. Прекрасный человек. Он опубликовал в шестнадцатом выпуске «Нового литературного обозрения» несколько работ. Тоже почитайте, что Гаспаров пишет, что там другие авторы пишут. Если нравится — читайте.

Есть такое большое, вызвавшее много толкований стихотворение — «Стихи о неизвестном солдате». И Гаспаров просто не сомневается в том, что это антивоенные стихи. Он только рассуждает — это антивоенные стихи со сталинским душком или без сталинского душка. Я, когда это читаю, думаю только одно: ну ведь Гаспаров — это энциклопедически образованный человек, он знает все, и Мандельштама знает, и давно о нем пишет и интересуется. Вы, наверное, читали эти «Стихи», раз пришли на этот спецкурс. У Мандельштама же есть и проза, и проза блестящая. В частности, есть и политическая проза. Тот, кто прочитает эту прозу, тот увидит, насколько хлестким и точным может быть слово Мандельштама. Если он хочет что-то точное сказать, например, на политическую тему, он это скажет — и сказал не раз, очень хлестко и точно. А если «Стихи о неизвестном солдате» — это антивоенное стихотворение, то его писал просто заика какой-то. Человек просто бредит, слов связать не может. Только так можно к нему относиться, если думать, что это стихотворение на антивоенную тему.

Там есть, в частности, такая строчка. В одном из вариантов этого текста герой о себе говорит: «*Становлюсь рядовым* той страны, У которой попросят совета Все кто жить и воскреснуть должны».

Вот так: жить и воскреснуть. Гаспаров как ни в чем не бывало замечает в скобочках: «воскреснуть от ужаса войны». И это при том, что Гаспаров не может не знать о воскресении — о необычно понимаемом воскресении, следующем за жизнью, а не следующим за смертью. Мандельштам писал о нем много раз. И самый главный образ в «Стихах о неизвестном солдате» — некий «гений развороченных могил». Боюсь ошибиться, прочту по тексту:

Неподкупное небо окопное,
Небо крупных оптовых смертей —
За тобой, от тебя — целокупное —
Я губами несусь в темноте, —
За воронки, за насыпи, осыпи,
По которым он медлил и мглил —
Развороченных — пасмурный, оспенный
И приниженный гений могил...

Это место повторяется во всех вариантах «Неизвестного солдата», во многих вариантах это финал. Некий гений развороченных могил. Это что за развороченные могилы? В контексте Мандельштама — это могилы, из которых восстали мертвецы. Но они не могут просто так восстать, пока некий этот гений развороченных могил не сделает свою работу. А пока что он медлит и мглит. Гаспаров, как бы не обращая внимания, говорит: в этом месте Мандельштам ввел этого гения, смутного и как бы слабого гения развороченных могил (там до этого был назван пророк смертей). В общем, неясно, зачем вообще исследовать такой текст, если он антивоенный, — там ничего интересного антивоенного не сказано. Конечно, если это вообще антивоенный текст. А если это не антивоенный текст, то надо как-то по-другому ставить вопрос.

До какой степени массовым стало это странное непонимание Мандельштама, хорошо иллюстрирует название сборника, который издает мандельштамоведческое общество. Наверное, это название много раз обсуждалось, много людей его обсуждало... Этот сборник называется «Сохрани мою речь». И есть у Мандельштама стихотворение 1931 года, знаменитое, «Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма». Стоит прочесть это стихотворение, чтобы волосы встали дыбом, потому что там черным по белому, вообще без всяких особенных сложностей поэт сообщает нам, что он готов не

только примириться с казнями, но и сам принять участие в устройстве инструментов для казни, и, в частности, он в лесах — последняя строчка — «И для казни петровской в лесах топорище найду». Вот так.

Стихотворение ошарашивает. Он будет строить срубы, в которых будут топить людей на бадье. Все это как бы открытым текстом в стихотворении. Это ошарашивает. Это тридцать первый год. Год, когда советская власть еще не подвергала Мандельштама арестам. И в этот год он написал бешеное антисоветское сочинение. Вот он пишет такое стихотворение, где черным по белому сообщает, что он собрался быть подручным при казнях. Насколько не понимается этот текст, видно из того, что процитированная строчка выносится в заголовков сборника.

В последнее время сплошь и рядом начинают писать о его сталинской «Оде» тридцать седьмого года. И никто не обратил внимания на стихотворение «Сохрани мою речь». Что такое сталинская «Ода»? Про нее другой разговор, сейчас я о ней говорить не буду. По сравнению с «Сохрани мою речь» это невиннейший текст, если рассуждать про политику. А об этом тексте надо действительно рассуждать, спрашивать, что тут к чему, как такое может быть. Причем это опять не случайный текст, и мандельштамоведам это как бы известно, потому что еще в 1913 году, еще в адрес той России, он написал: «Россия, ты — на камне и крови — Участвовать в твоей железной каре Хоть тяжестью меня благослови!» То есть это такой сквозной сюжет, этот мотив идет с самого раннего творчества: я буду участвовать в этих ужасах, которые ты, Россия, устраиваешь над людьми. Это не случайно. Но не понимается, не видится в упор — вот [сборник] «Сохрани мою речь».

Причем обращается Мандельштам — иногда подставляют сюда какое-то посвящение — как бы к Анне Ахматовой. Откуда берутся эти посвящения, я потом еще проговорю. «Сохрани мою речь» — он обращается к мастеру казни с этим «сохрани мою речь». Но все это как бы мимо, этого как бы нет. Полагают, что Мандельштам не мог сказать что-нибудь существенно иное, чем то, что говорят или думают другие.

Если так — спрашивается, что особенного искать в его творчестве? В общем, нечего особенного искать.

Самое важное, что сказал кто бы то ни было о Мандельштаме, на мой вкус, сказал Аверинцев: лейтмотивом Мандельштама была не-

тривиальность. Он ни в судьбе, ни в творчестве ни разу или почти ни разу не позволил себе быть тривиальным ни в чем. Просто похожим, сказавшим что-то, что можно сказать как-то иначе, сделавшим что-то так, как обычно.

Вот именно поэтому не удастся прочесть о Мандельштаме что-то такое, что дает возможность как-то всерьез отнестись к его стихам. Соответственно, мне приходится самому это делать. Я это и буду по мере сил делать и вам показывать.

Тут трудностей много. Я сейчас о трудностях поговорю. Трудностей много чисто технических. С одной стороны, есть надежда понять, о чем Мандельштам говорит, а с другой стороны, надежда эта со всех сторон подрубается. Я начну с проблем чисто текстологических. Мы сталкиваемся с ситуацией, с которой, кажется, больше нигде не сталкиваемся в русской литературе, — неустановленностью текста основных произведений. Я приведу пример, чтобы вам было понятно, что тут к чему. Есть у Мандельштама стихотворение шестнадцатого года, одно из самых внешне загадочных. Оно начинается: «Эта ночь непоправима, А у вас еще светло». В одних сборниках — «а у вас еще светло», а в других сборниках — «а у нас еще светло». Если вы возьмете сборник «Слово и судьба», о котором я говорил, то там это стихотворение разбирает знаменитый Ефим Эткинд, знаменитейший. Он разбирает его в версии «а у нас еще светло». Я сейчас не говорю о том, как он разбирает, я говорю про другое: как бы ни разбирать это стихотворение, в версии «а у нас еще светло», смысла в этом тексте просто не будет.

Или другой пример. Есть у Мандельштама такое стихотворение двадцать первого года, начинающееся странными строчками: «Кому зима — арак и пунш голубоглазый», такой зачин у стихотворения. И там есть такие строчки: «Я все отдам за жизнь — мне там нужна забота, — И спичка серная меня б согреть могла». В одних изданиях — «мне там нужна забота», а в других изданиях — «мне так нужна забота». Никита Струве, говоря про это стихотворение, цитирует его так: «Я все отдам за жизнь — мне так нужна забота». Я выписал его фразу: «Жалостная просьба, берущая за душу своей последней простотой». Я очень уважаю Никиту Струве, он сделал очень много для того, чтобы Мандельштам читался и издавался. Но я представляю, в какой бы ужас пришел Мандельштам, если бы кто-то ему сказал, что у него где-то в стихах прорезалась

интонация жалостной просьбы. Это перечеркивает личность Мандельштама под корень. Такого быть не может, потому что с Мандельштамом такого не может быть никогда. Просто никогда. Это ясно любому, кто читал Мандельштама. А с другой стороны, как оставить «мне там нужна забота»? Бессмыслица какая-то. Так вот при буквальном-то чтении получается так, что он не в жизни, а где-то в другом месте. А так и есть, он и есть в некотором другом месте. В стихотворении «Вооруженный зреньем хищных ос...», это тридцать седьмой уже, такой финал:

О, если б и меня когда-нибудь могло
Заставить, сон и смерть минуя,
Стрекало воздуха и летнее тепло
Услышать ось земную, ось земную...

Человек находится в царстве смерти и сна и молит неведомого бога, чтобы ему было позволено все-таки прикоснуться к жизни. Там! Жизнь у него — там. Не там, где он. Он вне ее. Но это же надо как-то братья правой рукой за левое ухо. Гораздо проще сказать: «Жалостная просьба: мне так нужна забота».

Но это случаи, когда от таких неустановленностей текста смысл или резко меняется, или просто исчезает. А есть случаи, когда стихотворение просто портится. Смысл не меняется, а стихотворение просто портится от того, что в него что-то подставляется. Есть у Мандельштама стихотворение, которое я прочту целиком, потому что оно из ранних его стихов, которые можно комментировать, но можно оставлять без комментария — они и без этого производят впечатление и не кажутся непонятными. Это стихотворение «Невыразимая печаль Открыла два огромных глаза» 1909 года, то есть одно из самых ранних. Мандельштаму восемнадцать лет. То есть это стихотворение служит иллюстрацией того, насколько рано Мандельштам сделался полновесным поэтом. Многие начинали рано, но многие начинали на таком уровне.

Невыразимая печаль
Открыла два огромных глаза, —
Цветочная проснулась ваза
И выплеснула свой хрусталь.

Вся комната напоена
Истомой — сладкое лекарство!
Такое маленькое царство
Так много поглотило сна.

Немного красного вина,
Немного солнечного мая —
И, тоненький бисквит ломая,
Тончайших пальцев белизна.

Вот такое стихотворение. Издание выверенное-перевыверенное, людьми чрезвычайно авторитетными созданное. Лидия Яковлевна Гинзбург сама его курировала. Вот, пожалуйста, — в нем это стихотворение воспроизведено. Вы помните начало? «Невыразимая печаль Открыла два огромных глаза, — Цветочная проснулась ваза И выплеснула свой хрусталь». Здесь так: «Невыразимая печаль Открыла два огромных глаза, — Огромная проснулась ваза И выплеснула свой хрусталь». Ничего не оговорено, ни в примечаниях, нигде: почему «огромная»? Во всех сборниках «цветочная», здесь «огромная». Почему «огромная»? Откуда взялось такое чтение? Предположим, вы впервые знакомитесь с этим стихотворением по этому тексту. Сразу же озадачиваетесь этой огромной вазой. Что за огромная ваза вообще? На фоне «маленького царства», «тончайших пальцев» эта огромная ваза. После замены «цветочная» на «огромная» в этом стихотворении читать больше нечего.

И это же, друзья мои, я приводил примеры из текстов того периода, когда Мандельштам печатался. Печатался, причем перепечатывал свои произведения по многу раз. Ведь потом же пошло хуже. Потом он перестал печататься и перестал даже записывать тексты своей рукой. Он перестал писать. В «Четвертой прозе» 1930 года он написал: «У меня нет почерка, потому что я никогда не пишу. Густопсовая сволочь пишет, а я работаю с голоса». Он действительно не писал, он диктовал.

Причем как он диктовал — он не диктовал, как на диктанте. Сохранились же записи Мандельштама — он пел свои стихи. Как я понимаю, это гумилевская манера, у гумилевцев в «Цехе поэтов» было принято читать нараспев. Это у него было гумилевское поэтическое подвывание, как я понимаю, но, может быть, я ошибаюсь. Вот он пел свои совершенно непонятные стихи. Записывала в основном жена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru